

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Преступные игры гения: роман /
Галина Романова. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-208808-7

Гена развелся с Аней, но забыть ее не смог, и не только потому, что все еще любит бывшую. Полковник Анна Смирнова — непосредственный начальник майора Геннадия Сидорова, и они вместе расследуют запутанное дело. Кто-то убивает женщин и засыпает их лица измельченными в труху волосами. Первое преступление произошло пять лет назад, раскрыть его не удалось, и теперь убийца снова принялся за свое. Его жертвами становятся женщины, так или иначе связанные с художником Осетровым. Все они молодые и красивые — как и полковник Анна Смирнова, портрет которой очень хочет написать Осетров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-208808-7

ЧАВА 1

Место должно быть особенным. Просто лес, чаща или обычный овраг не подойдут. Эти места лишены смысла и красоты.

Место должно быть особенным.

Он медленно крутил педали велосипеда, колеся по загородному парку. Он искал и предавался меланхоличным воспоминаниям.

Когда-то этот парк был лесом. Густым, почти непроходимым. Зеленым весной и летом, бурым осенью и голым зимой. Потом с четырех сторон его взяли в кольцо застройщики многоквартирных высотных домов. Принялись кромсать под фундаменты гектар за гектаром, обкладываясь разрешениями, как подушками безопасности. И земли бесперспективные, и лес вымирает, и пожарная опасность из-за сухостоя высокая. Нашлось множество причин, чтобы урезать лес до размеров парка. Пусть большого, но парка. В лесу же не бывает тротуарных дорожек и скамеек. Всяких ларьков с мороженым и во-

дой нет в лесу. Раньше на прогулку в лес брали с собой воду в бутылке и бутерброды в промасленной салфетке. Сейчас в этом нужды нет. Закусочные через каждые сто метров.

И не то чтобы ему это так уж не нравилось или казалось противным. Нет! Он сам не раз присаживался за дощатый столик и открывал картонную коробку с огненными куриными крылышками или ножками. Ел, нравилось. Запивал горячим чаем или кофе из бумажного стаканчика. Тоже казалось сносным, хотя чудился привкус мокрого картона. Просто...

Он лишился в этом месте уединения. Невозможно было укрыться от посторонних глаз. Везде люди, всюду любопытные взгляды. Даже теперь, когда он просто медленно катит на своем велосипеде, он вызывает любопытство. Не у всех, нет. Но пары три-четыре внимательных глаз отыщется, если подсчитать.

Заметив чуть левее велосипедной дорожки подъем в гору, он прибавил скорости. Сюда на велосипеде мало кто совался. Слишком крутой затяжной подъем. Для пешей прогулки и вовсе эта дорога не подходила. Была узкой. Рядом идти не могли даже дети. Приходилось шагать гуськом. А кому это понравится на романтической прогулке в выходной?

Он с силой налегал на педали, медленно закатываясь на гору. Когда подъем сделался невы-

носимо крутым, он спешился. Оставил велосипед в зарослях справа от тропы. И пошел вверх пешком. Через пять минут оказался на ровном каменном плато размером пять на пять метров. Голое, гладкое, идеальное лобное место. Восставливая дыхание, он остановился в конце тропы, огляделся.

Слева и справа те же заросли колючих кустов. Что это за поросль, он никогда не задавался вопросом. Неинтересно. Гладкий камень плато отсвечивал серым. Даже при ярком солнце. Просто серый. Без всякой поэтической дребедени. Пять метров серого камня и крутой обрыв. А там — внизу — какая-то мелкая грязная речушка. Тоже никакой красоты. Но...

Если прийти сюда на закате солнца, дожждаться нужного света, то можно на холсте и реку сделать полноводной, и серый камень превратить в гранит.

Свет...

Ему нужен правильный свет. Тот самый: мягкий, удушающе бархатный. Он не может найти его в городе. И в любом другом месте тоже. А вот на этом крохотном плато, на закате, он поймает краткие минуты того, что ищет. Только бы никто не помешал. Только бы никто не поднялся следом за ним и не попытался завести праздный разговор. Тогда все, место будет осквернено.

Осторожно дозируя дыхание, чтобы не спугнуть предвкушение, он продвинулся на три

с половиной метра. Остановился, покрутил головой в поисках западной стороны. Да, там. Как он и предполагал. Если он расположится с мольбертом в этой самой точке, то свет заходящего солнца будет обтекать его со всех сторон. И он получит то, чего так давно добивался. Он будет купаться в этом оранжево-багровом закате, выплескивая ощущения на холст.

Неожиданно к нижней губе его что-то прилипло. Что-то легкое, невесомое, как цветочная пыльца. Потом еще и еще. Он провел пальцами по губам, посмотрел на них. Одуванчик? Очень похоже. Белые тончайшие нити, потревоженные ветром.

Он нахмурился. Вот о чем он не подумал, отыскивая то самое особенное место. Ветер! Он способен всему помешать. Он может преломлять лучи, морщить облака, мусорить, как вот теперь.

Раздраженно потерев палец о палец, он неожиданно понял, что это не одуванчик. Что-то иное, более жесткое. Да одуванчики и отлетели давно. Что это могло быть? Ведь если эта дрянь сядет на мокрый холст, то...

Новый порыв ветра поднял целое облако из колючих кустов, что обрамляли плато слева. И вдохнув полной грудью, он неожиданно уловил запах тлена. Этого еще не хватало!

Его картина должна быть исполнена теплой грусти, мягкой неги, ощущения безвременья.

• Преступные игры теня •

И там уж точно нет места ничему отвратительному и уж тем более мертвому.

А тут смердело! И еще как! Новый порыв ветра накрыл плато такой вонью, что его едва не вырвало. Повернуться бы и уйти. И поискать другое место. Но нет же, нет! Он не ушел. Мало того, двинулся к кустам, оцетинившимся колючками. Поискал глазами палку. Нашел что-то подходящее. Сунул ее в центр колючих зарослей, пошевелил, раздвигая вялые ветки. По ходу думал: если это какая-то глупая птица, погибшая, как в силках, в этих колючках, он ее просто вытащит оттуда и сбросит вниз. И если кошка, поступит так же. Но вот если это пес! Крупный и зловонный... Тогда он уедет отсюда и никогда больше не вернется. Место испохаблено.

Вялые ветки, сломанные у самого корня, послушно расступились под ударами палки. И там... Там...

— Нет же, боже! Нет!

Он стоял как пригвожденный и не трогался с места. Взгляд его — взгляд художника — в мельчайших деталях выхватывал все, что видел. А мозг запоминал.

Белое голое женское тело. Такое белое, что казалось мраморным. Тело молодое, красивое. Череп лысый. А на лице...

Вот что летело в его сторону! Вот что прилипло к его губам! Ее волосы — белоснежные, как пух. Их состригли с ее головы и покромсали

почти в пыль. И вывалили на мертвое лицо. И они теперь разлетались, как пыль одуванчиков, и...

Вспомнив, как это прилипло к его губам, он шагнул назад. Согнулся пополам, и его начало рвать прямо на собственные белоснежные кроссовки. Когда в желудке не осталось ничего, он рухнул на колени прямо в свою блевотину, застонал от физической боли в животе. Нашарил телефон в заднем кармане шорт, достал его и набрал номер 112.

У него ушло целых пять минут на то, чтобы объяснить бестолковому оператору, что произошло и как он это обнаружил. Пообещав ей дождаться полиции, он с трудом поднялся, вышел с плато и зашагал вниз по тропе. Чуть не забыл о велосипеде, уже прошел метра два мимо, вниз. Но потом вернулся.

Не помнил, как спускался. Внизу уселся прямо на тропу, обхватил руками колени, пристроил на них подбородок и закрыл глаза. И как только он их закрыл, тут же увидел его — выбеленное смертью до каменного блеска мертвое женское тело.

ГЛАВА 2

Гена стоял возле двери своей бывшей квартиры с пальцем, занесенным над дверным звонком, и медлил. Позвонить следовало давно. Он

• Преступные игры теня •

стоял уже минут пять. Но палец сделался непослушным, почти деревянным. Застыл в пяти сантиметрах от кнопки уродливо согнутым, и ни с места.

— Твою мать... — прошептал он, скрипнув зубами.

И позвонил.

Она не открывала бесконечно долго. Много дольше, чем он решался в дверь позвонить. Он не уходил. Знал, что она дома.

— О, какие люди, — проговорила его бывшая жена совершенно без выражения. — Че надо?

— Поговорить, — он занес ногу над порогом.

— Все разговоры закончились на пороге загса, Сидоров. — Ее босая ступня ударила его по щиколотке. — Тебе в моем доме делать нечего. Нас с тобой больше нет. И разговоров о нас с тобой больше нет. Тебе что, плохо в новых отношениях, Гена?

Он закатил глаза, судорожно сглотнул и крепко стиснул зубы. Чтобы не наорать на нее, не наговорить лишнего.

Их больше не было, да! И он об этом совсем не печалился, скорее наоборот. Он был рад, что они расстались. Потому что их брак превратился в пытку. Они устали даже ненавидеть друг друга. И в новых отношениях ему было хорошо, комфортно, счастливо. Он обожал свою девушку. Скучал по ней, если не видел больше восьми часов. И восхищался тем, как она готовит.

Но разве скажешь об этом Анне? Она тогда его не то что для разговора не пустит, она его из окна выбросит. Из подъездного окна тринадцатого этажа. Его не будет, а она сядет. А ей в тюрьму нельзя. И ему пожить хочется. У него счастливая жизнь еще только начинается.

— Чего молчишь? — бывшая жена уставилась на него исподлобья. — Не устраивает, как я выгляжу?

И вот тут он решился на нее посмотреть. На нее — на всю. И не то чтобы ужаснулся, но поводов для сожалеющих вздохов было предостаточно.

На Анне были какие-то нелепые многослойные одежды. Сверху толстый банный халат, под ним — пижама. Широкие штанины волочились по полу. Под пижамной курткой — футболка с высоким горлом.

— Надела все, что было? — усмехнулся Гена криво. — Волосы немыты. Лицо серое. Пьешь, что ли, Смирнова?

Она принципиально не взяла его фамилию при регистрации их брака. Ее после расторжения и менять не пришлось.

— Я никогда не пила, Сидоров, ты это знаешь. Не пила ни в радости, ни в горе. А сейчас мне вообще никак. С какой стати мне пить?

— Выглядишь не очень, — он почесал затылок. — На звонки не отвечаешь. На работу не являешься вторую неделю.

• *Преступные игры тенниса* •

— Только не вздумай свистеть, что ты разволновался, — нацелила она ему в грудь палец. — И начальство мое тебя прислать не могло. Оно в курсе причин моего отсутствия. Что-то случилось, Гена? У тебя какая-то непруха? И срочно нужен мой совет?

Она угадала. Как всегда, угадала. И по его теперешнему молчанию угадала, что снова все о нем угадала.

— Я не подаю убогим. До свидания.

Анна попыталась закрыть дверь. Но он вовремя вставил ногу в ботинке между дверью и притолокой.

— Полицию вызвать не могу. Мы оные и есть. Что же мне с тобой сделать?

Аня переводила взгляд с его ботинка на подбородок, с подбородка снова на ботинок. Он понял, что она может ударить. Приемами рукопашного боя бывшая владела в совершенстве. В зале в спарринге он сто раз оказывался на лопатках.

— Аня, он снова убил, — поторопился Гена, чтобы не упасть уже в следующую минуту на бетонный пол лестничной площадки. — На этот раз в парке...

Она мгновение изучала его несчастную физиономию. Потом, вытянув руку, схватила за воротник трикотажной рубашки и втащила в квартиру. Уже с порога он почувствовал запах лекарства. Или спирта? Может, она все же пьет? Раньше за ней такого никто не замечал, но мало ли. Все меняется.

Он не пошел за ней в кухню, заглянул в гостиную и спальню. Кровать обнаружил заправленной. А вот на диване в гостиной валялись скомканное одеяло и подушка. Рядом стоит журнальный столик, на нем стакан с водой, гора таблеток, горчичники и комок из ваты и марли. Компресс. Она всегда его ставила, когда у нее болело горло. А оно у нее болело часто.

Почему-то, поняв, что она не соврала насчет алкоголя, он не испытал облегчения. Скорее легкую досаду. Не переживает? Не убивается по нему, оставившему ее так вероломно? Хотя...

Если разобраться, он не уходил от нее. Анька сама его выставила. Узнала про его роман на стороне и выставила. И даже без синяков и скандалов обошлось. Молча собрала его вещи, молча пнула его сумку, молча указала подбородком на дверь. И с тех пор, если разобраться, они сказали друг другу не более двух десятков слов. Это в личной жизни. По работе им приходилось общаться. Никто из них не хотел увольняться по причине развода.

— Сюда иди, Сидоров! — громко позвала его бывшая жена. — Я болею, идиот, не пью. Пахнет компрессом...

Сучка! Она даже сквозь стены видела его и угадывала!

Аня стояла у окна и курила в форточку электронную сигарету. Так она бросала курить! Смешно. По его мнению, что так дым, что

так. Но кого и когда интересовало его мнение... в их браке!

Он вошел в кухню. Цепляясь взглядом за каждый предмет, осмотрел все. Пытался найти что-то новое, появившееся без него. Не было ничего нового. Хотя нет. Новым был полный порядок на кухне. Раньше здесь постоянно царил хаос. Грязи не было, нет. Посуда была вымыта всегда. Но ее почти никогда не убирали в сушилку. Стопки чистых тарелок росли слева от раковины. Чистые чашки и стаканы стояли в ряд справа. Там же чистые контейнеры, в которых они брали на службу бутерброды. Ее с красными крышками. Его — с синими. Ничего этого сейчас не было: ни контейнеров, ни посуды. Обеденный стол пуст. А прежде на нем всегда стояла ее чашка с последними глотками чая или кофе. И он не смел ее убрать и вымыть. Ее последние глотки были неприкасаемыми.

Одним словом, много было самых разных правил, которые он втайне считал идиотскими. Но тут недавно поймал себя на том, что в новой своей жизни оставляет на столе чашку с недопитым кофе и просит ее не трогать...

— Говори. Быстро и по существу, — скомандовала Аня в привычной манере.

Вытащила из волос длинную заколку-шпатель, потрянула густыми волосами. Снова собрала их на макушке в тугой ком и проткнула его заколкой. Две пряди привычно выскользнули из

прически и обрамили ее узкое лицо с высокими скулами. Черные глаза бывшей жены смотрели на него неприязненно, когда она скрещивала руки на груди и усаживалась на широченный низкий подоконник.

— В парке в выходной было обнаружено тело девушки, — начал он говорить, снова чувствуя себя как на экзамене и боясь сбиться и показаться бестолочью.

— В какой выходной? — спросила она холодно и строго.

— В смысле? — моргнул Сидоров непонимающе. — В минувший!

— В коромысле! В субботу или воскресенье?

— В воскресенье, — внес он уточнение. — В пять часов вечера. На плато над речкой. Такая там, знаешь, Грязновка.

— Знаю, — нетерпеливо повела она плечами. — Кто обнаружил? При каких обстоятельствах?

— Художник... — Он сразу заметил, что она напряглась. — Искал место для работы. Ему нужен был вечерний свет. Он колесил на велосипеде по дорожкам парка, искал. Потом поехал к горе. По пути наверх оставил велик в кустах, поднялся. Обрадовался, что место именно такое, какое ему нужно. Тут подул ветер, и на его губы налипло что-то. Он подумал, что это пыльца одуванчика...

— Одуванчики давно облетели, — тут же вздернулись ее брови.

• Преступные игры теня •

— Он потом тоже сообразил. Но не сразу. Снова подул ветер и принес с собой запах тлена.

— Блин, Сидоров, ты сейчас в рифму заговоришь, точно, — фыркнула его бывшая жена. — Короче, он сунулся в кусты, а там тело. Мертвое, женское, молодое. Наголо бритое. Волосы измельчены в труху, лежат на лице. Все так?

— Все так.

— И что наш художник? — Анна прищурилась.

— Заблевал там все. Позвонил 112, спустился с горы, дождался нас. Правильно ответил на вопросы.

— Правильно, значит? — удивилась она.

— Было время подготовиться. Ехали сорок минут. Воскресенье, пробки.

— В воскресенье пробок меньше. И гуляющих в парке тоже. Кто-то видел его? Как он катался? Как ехал к горе?

— Мы сами увидели. На камерах. Весь маршрут его отследили. Ни разу никого не потревожил своим перемещением на велике. Заехал в парк, сразу на велодорожку свернул. Покатался.

— Долго?

— Час. Почти час.

— Ого! Долго. И весь час катался?

— Нет. Отдыхал. Воду покупал. Пил. Потом покупал еду. Присаживался за столик. — Гена пожал плечами. — Ничего в нем подозрительного, если ты это имеешь в виду.

— Не твое дело, что я имею в виду, — огрызнулась она беззлобно. — Как он выглядел? Как ел?

Пришлось рассказывать ей обо всем, даже цвет носков не пропустил. Особенно долго рассказывал, как он усаживался на деревянный стул в парковой кафешке. Как тщательно вытирал стол влажной салфеткой, которую, конечно же, принес с собой.

— И что, прямо свою тарелку достал? И вытряхнул на нее ножки из картонной коробки?

Ее черные глаза горели азартом, тем самым, которого он так боялся. Этот огонь и сожрал их брак. Потому что, когда вот так вот у Аньки горели глаза, она не спала, не ела, не заходила домой. Она работала как проклятая! Она не видела ничего и никого вокруг. Гоняла подчиненных — а он им тоже был — в хвост и гриву.

— Эстет, значит, — удовлетворенно улыбнулась она, когда он закончил рассказывать. — Ну-ну, Валерий Павлович... Очень хочется с вами познакомиться. Очень хочется на вас взглянуть.

Гена мысленно пожалел несчастного художника, в силу обстоятельств оказавшегося не в том месте не в то время. Анька ведь вцепится мертвой хваткой, вопьется в его мозг, вывернет всю душу наизнанку. А бедный Валерий Павлович всего-то и хотел найти удачное место с хорошим светом для своей новой работы.

— Ты уверен? — обернулась она на него от плиты, где варила себе овсянку. — Или просто хочешь мне возражать по привычке?